

Василий Игнатьев (2)

«Уж вы ой еси, да дети малыя,
Малыя деточки, да глупыя!
Уж вы где были-пооббыли?» —
«Уж мы были, наша матушка, во Шахове,
Уж были, матушка, нынцѣ во Ляхове,
Стольней Киев-град поперѣк прошли.
Видели, матушка, не чудо ли,
Не чудо ли видели, не диво ли:
Как серѣдка ночи-ноченьки темной,
Как серѣдка той ночи осенной,
Тѣмной ночи осенной,
Отворились ворота стольне-киевьскіе,
Выходила из ворот красна девушка
В одной-де рубашечке без поеса,
Как в одних башмачках без чулочиньков,
Как несла она в руках божью книгу,
Уж божью книгу Ивангелье.
Шла она по синю морю,
Брела она по полуколѣно,
Ещё того поглубже — до поеса,
Ещё того поглубже — до белых грудѣй.
Прикатилса к ней сер горюч камень.
Клала нынцѣ она божью книгу
На тот нынче-ка на сер-горюч камень,
Стала читать да слѣзно плакати,
Кабы безумна-то матушка — с ума сошла,
А умна-то матушка — расплакалась».
Говорила им нынцѣ родна матушка:
«Уж вы ой еси, да дети малыя!
Малыя детушки, глупыя,
Вы не красну нынцѣ девушку видели,
А видели мать Богородицю.
Учула она, матушка, невзгонушку:
Поднялся Егор да нынцѣ Скѣрляк-царь
Со Киршенком, с зятелком с любимым,

Со Коньщиком, с товаришшэм с любимыим.

А у их, у собак, да силы множество:

Поперёди собак да сорок тысячей,

По левóй-то руки да сорок тысячей,

По правóй руки да сорок тысячей,

А позади-то собак числа-сметы нет».

Говорил ны́нче-ка как Скурлак-царь:

«Уж вы ой нынче, мои дру́жья-приятели!

Кто же бывал на светой Руси,

Ище кто говаривал по-русьскому,

И кто толмачил по-немецькому?»

Тут выходит тотарище старое,

Старо татарище, седатое.

Говорил ему ны́нче Скурлак-царь:

«Вот бери-тко ерлык, да скорограмотку,

Вот неси-тко ерлык да в стольне Киев-град,

Ко тому ли ко солнышку Владимиру».

Он берёт-де ерлык, да скорограмотку,

И несёт ерлык в стольне Киев-град

Ко тому ко солнышку Владимиру.

Не спрашивал у ворот приворотничков,

У дверей нынче придверничков,

Берёт он двери за скобу,

Отворяет он двери на пету,

Ихним богам он Богу не молитця,

Челом не бьёт и головы не гнёт,

Кладёт ерлык-скурограмотку

На свой скорописчат стол;

Оттуль тотарищо поворот даёт.

Берёт ерлык-скурограмотку

Солнышко Владимир-князь,

Берёт ерлык он, распечатыват,

Читал ерлык и запечалился.

О ту пору, о то времечко

Подошла к ему свет Апраксея,

Говорит солнышку Владимиру:

«Што ты сидишь не по-ста́рому,

Што гледишь не по-прежнему,

Повесея держишь да буйну голову,

Потупя держишь очи ясные,
По́ белу лицу слёзы катятця?»
Говорил ныне солнышко Владимир-князь:
«Уж как мне нынче не печалитьце,
И как мне нынче не кручинитьця?
Подступил к нашему городу ко Киеву
Тот де Скурлак-царь Смородович
Со Киршенком, с зятелком с любимым,
Со Коньщиком, племянником товаришшэм.
У их, у собак, силы множество:
Поперёди собак да сорок тысячей,
По левой руки да сорок тысячей,
По правой руки да сорок тысячей,
Позади-то собак числа-сметы нет».
Говорил солнышко Владимир-князь:
«Ой мои служаночки верная,
Несите мне платычке чёрное,
Чёрное платычке пешеходное».
На то служаночки были послушны,
Несли ему платычке чёрное,
Чёрное платычке пешеходное.
Надевал нынче как платычке чёрное,
Чёрное платычке пешеходное,
Пошел вдоль по городу по Киеву.
Идет навстречу поцца-подсушина, шатаетця.
Говорил ему солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой, поцца-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольного?»
Говорит нынче поцца-подсушина:
«Не с нами вы нынче думу думаете,
Не с нами вы толки то́лцете —
Думаете с татарами, с боярами,
Ищо всё с людьми со бо́гатыма».
Опять солнышко вперед идет
Вдоль по городу по Киеву,
Опять стретилась поцца-подсушина,
Идёт шатаетця, с боку на бок валяетця.

Говорит солнышко Владимир-князь:
«Ой же ты, подса-подсушина!
Где же ты нынче был, чего же чул?
Нету ли в городе наеждего,
Нету ли в Киеве напольного?» —
«Был я нынче во черёвом большом кабаке,
Пили мы тут, гуляли трое суток
Со тим со Васенькой Игнатъевичем,
Пропили его всю золоту казну,
Пропили его платье чвёртное,
Пропили его сбрую богатырьскую.
Забился Васенька Игнатъевич
На печку, на муравленку,
Нечем Васеньке оправитьця».
Пошел тут солнышко прямо во черёв кабак,
Говорил чумачкам, да человальничкам:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Наливайте-ка царю зеленá вина,
Не велику, не малу — полтора ведра,
Всё со водочкой да со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,
Поднесите-ко на печку, на муравленку
Ко тому-де ко Ваське Игнатъевичу».
Принимает-де Васька единой рукой
И пьёт эту царю за единый дух,
Тут за царой-то Васенька выговаривает:
«Окатило у Васьки ретивó сердцё,
А не звеселило у Васьки буйну голову».
Говорил тут солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Наливайте-ко царю зеленá вина,
Всё со водочкой да со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,
Отнесите ко Васеньке Игнатъевичу».
На то чумачки были послушливы,
Наливали царю зеленá вина,
Не много, не мало — полторá ведра,
Всё со водочкой, со наливочкой,
Всё со крепкими со напитками,

Подносили-де ко Васеньке Игнатъевичу.
Принимает-де Васенька единой рукой,
Пьёт эту цяру за единый дух,
За цярой-то Васька выговаривает:
«Окатило у Васьки ретивó серцё,
И звеселило у Васьки буйну гóлову».
Стал Васенька пó полу похаживать.
Говорил солнышко Владимир-князь:
«Уж вы ой, чумачки, да человальнички!
Отдайте вы Ваське платье чвётное,
Отдайте Васеньке сбрую богатырьскую».
На то чумачки были послушливы,
Отдавали-де Ваське платье чвётное
И отдавали сбрую богатырьскую.
Пошли солнышко с Васенькой вон на уличю,
И стал ему тут солнышко рассказывать:
«Уж ты ой еси, Васенька Игнатъевич!
Подступил-то к нашему городу ко Киеву
Тот нынче-ка вор Скурлак-царь
Со Киршенком, с зятелком с любимым,
Со Коньщичком, с племянником товаришшэм.
А у их, у собак, силы множество:
Поперёди собак да сорок тысячей,
По левой руки да сорок тысячей,
По правой руки да сорок тысячей,
Позади то собак числа-сметы нет».
Тут вымал Васенька Игнатъевич
Из своего кармана свой тóгой лук,
Тóгой лук да каленú стрелú,
И стал он свой тóгой лук натягивать
И каленú стрелу стал накладывать,
Сам стрелы́ стал приговаривать:
«Уж ты ой еси, моя стрелá калёная!
Калёная стрела, перёная!
Полети-ко повыше лесу дремучего,
Пониже облачка ходячего,
Залети ко Скурлаку во черной шатёр,
Убей его родимого зятелка!»
Полетела стрелочка калёная

Повыше леса тёмного,
Пониже облачка ходячего,
Убила его любимого зятелка.
Тут писал Скурлак-царь Смородович,
Он писал ерлык-скорограмотку,
Отсылал он в стольне Киев-град
Ко тому солнышку Владимиру:
«Кто у вас убил любимого зятелка
Без всякого бою, без кроволития,
Отдайте мне того виноватого».
Тут они стали думу думати
С татарами, с боярами,
С людьми да со боғатыма:
«Коґо мы пошлём виноватыим?
Послать нынче нам Васеньку Игнатъевича,
Он эту грезу нагрёзил, пускай отгрёзывает».
Послали Васеньку Игнатъевича.
Идёт Васенька из городу и одумался,
Опеть Васенька воротитьце,
Ещё у ворот и колотитьце:
«Ещё я вам, Васенька, понадоблюсь».
На то Васеньке ответу нет.
Опеть Васенька вперёд идёт,
Опеть Васенька одумалсэ,
И опеть Васенька нынче воротитце,
И опеть у ворот колотитьце:
«Ещё я вам, Васенька, понадоблюсь».
Они на то ему ответвуют:
«Нам больше Васеньки не надобно».
Тут пошел Васенька во чистó полё,
Скликнул своего коня доброго,
Поехал он ко чернó шатру,
Заехал он в силу-рать великую.
Наступила на его сила-рать великая,
И тут он бил-рубил эту силу челы суточки:
Много силушки повырубил,
Остальня сила на убег ушла.
И поехал Васенька в стольне Киев-град.
(Ещо он не сердится!)

Наеждает он ко городу ко Киеву,
Перескакиват он эту ограду высокую,
Тут все ныне его встречают,
Солнышко Владимир-князь и все вельможи,
Встречает его тут и молодая дочь
(вот не помню имени: бат, Милитриса Кирбитьевна)
У того у места у высокого,
Заводит его во гриню во столовую.
Тут и стали они пировать-столовать.
И говорит нынче солнышко Владимир-князь:
«Уж ты ой еси, Васенька Игнатьевич!
И чего же от меня тебе, Васеньке, надобно
За такую ослугу за великую?
Надо тебе терем высокие —
Поставим тебе терем против дворца».
Он говорит: «Не надо мне терема высокия».
Он говорит: «А если тебе надобно жениться,
Дам тебе невесту, каку надобно».
Васенька говорит: «Не надо мне красну девичю,
Не хочу я пожениться». —
«А чего же тебе нынче надобно?
Или надо тебе золотой казны?»
А он говорит: «Не надо мне золотá казнá».
Говорит нынче Васенька Игнатьевич:
«Дай ты мне тако нынче дозволеньичко —
Ходить пить зеленá вина
По твоим черевам — большим кабакам
Безденежно до моей смерточки».
И тут пошли пьянюшки с Васенькой Игнатьевичем,
Тут пили-гуляли трое суток.
Я тут же был, мёд-пиво пил, да дома остался.
(Тут всё, больше ничего нет.)

*(Зап. Астаховой А. М.: 3 июля 1929 г., д. Коровий Ручей Усть-Цилемского р-на
— от Носова Игнатия Дмитриевича, 62 г.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.